

театр, экспозиции

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

театр, экспозиции

Эдмунд МИКУЛЬСКИЙ:

"Еще верю в театр..."

С актером Русского драматического театра Эдмундом МИКУЛЬСКИМ беседует театральный критик Татьяна Балтушникене.

- Помните, будучи студентом консерватории, вы, Эдмунд, в радиointerview сказали, что можете говорить на любом из трех языков - литовском, польском, русском...

- В пределах разговорной речи, чтения. В детстве я говорил по-польски, в средней школе - по-русски, в музыкальной - по-литовски. В консерватории наш курс готовили для Русского драмтеатра, но литовский язык оставался средством общения, обучения. Иное дело - мыслить по-литовски на сцене. Мне бы этого хотелось, чтобы иметь надежду встретиться с такими, например, режиссерами, как Вайткус.

- Как сложилась за минувшие 11 лет судьба вашего "интеркурса"?

- Примерно половина донныне работает "по распределению". Один только Вигас Шапранаскас - в труппе Р. Туминаса, стал в полном смысле слова литовским актером.

- А где остальные из вашего выпуска?
- Кто-то в полиции служит, кто-то в кооперативе трудится.

- Вы еще второкурсником с успехом дебютировали в спектакле И. Петрова "Гнездо глухаря" (по пьесе В. Розова). За ролью Прова последовали образы в спектаклях по пьесам "Расплата" В. Тендрякова, "Красный цветок" (по В. Гаршину), "Диктатура совести" М. Шатрова, "Плохая квартира" В. Славкина и многих других, причем (и притча "На коже наших зубов" - не исключение) вы интерпретировали благодатную (почти всегда в силу социальной ситуации тех лет выигрышную) тему нервного, мятущегося молодого человека. Она для вас и сейчас представляет интерес?

- Упомянутые роли (так как не было возможности играть героев Достоевского) позволяли привнести на сцену хоть что-то из эстетики Достоевского: то ли проблемность как заведомую данность, то ли боль, обнаженность чувства, то ли контрасты "личность - личность" и "личность - общество".

- Сейчас вы вплотную соприкасаетесь с творчеством любимого автора - репетируете роль Алексея Ивановича в инсценизации романа Достоевского "Игрок", которую ставит приглашенный режиссер Андрей Максимов. Шотландский постановщик Х. Глен недавно великолепно интерпретировал гоголевских "Игроков" в Молодежном театре Литвы, Сергей Юрский в МХАТе ставит - тоже по Гоголю - памфлет "Игроки-21". Отчего, по-вашему, обретает популярность исследование

причин порока, весьма в общем-то редкого?

- Мне кажется, в "Игроке" интересен не столько социальный план, сколько личный, психологический. К чему афоризмы типа "жизнь - это игра"? Отказ от идеалов, от благородства, любви, чести - трагедия сугубо индивидуальная. Так же и антипод падения - нравственная революция - осуществляется совокупностью индивидуальных сил, но не толпой. Герой "Игрока" - отвержен, обездолен, порочен в силу невозможности сублимироваться на ином, полезном поприще. И это, увы, явление массовое.

- Вы подаете нищим?

- Да, если это действительно нищий, которому не на что жить. Как различаю? Во всем ведь руководствуюсь интуицией: это - правда, это - ложь, это - твоя роль, это - нет и т. д.

- Существует ли заведомо "ваш" режиссер?

- Меня всегда восхищал Роман Виктюк, чьи легендарные - вильнюсского периода - спектакли я видел еще ребенком. Играю Иешуа в его постановке "Мастер и Маргарита". У этого режиссера все магически просто: слово, зажигается свет на сцене, импульс, огонь в жилах - и иди работать.

- Вдохновенно представлен вами и царевич Алексей в спектакле Бориса Луценко "Христос и Антихрист" (по прозе Д. Мережковского).

- Его бунтарская сила должна быть на сцене равна двум силам царской власти - ведь образ Петра I, разложив его относительно на овеществленное и духовное начала, создают два известных

исполнителя - А. Иноземцев и В. Ефремов. В Москве после показа "Христа и Антихриста" к нам за кулисы пришли со словами благодарности Рубен Симонов, Татьяна Доронина, Олег Ефремов.

- Русский драматический театр Литвы вообще, как правило, имеет успех за пределами Литвы. Большинство же театров, приезжающих оттуда, что греха таить, чаще разочаровывают.

- Да, посмотрев чужие спектакли, вновь обретаешь кумиров дома. Начинаешь понимать, какое, например, счастье играть с таким мастером, как А. Иноземцев. Партнерствуя с ним, можно - стоя друг к другу спиной, в разных концах сцены - поддерживать трогательную духовную связь.

- Вы не раз играли людей искусства - музыканта Скалнаса в притче К. Сая "Год быка", Королеву в спектакле В. Кокорина "Прощай, театр" по пьесе У. Сарояна "Пещерные люди". Как это вы рискули - в женском платье, всерьез, представлять пожилую леди?

- Вероятно, увлекли стремление к разности, сам принцип игры, обращение к первоисточкам театра. Ведь я еще верю в театр... Хотелось также посмотреть, как далеко могут тебя унести фантазия, отчасти ирония; высказать то, что думаешь о женщинах сцены. Кстати, название этого спектакля - "Прощай, театр" - определилось не сразу. Были иные варианты: "Нам холодно", "Нам страшно..."

- Актеры Русского драмтеатра в самом деле чувствуют себя так неуютно?

- Если и возникает подчас чувство одиночества, затерянности, то причины тому скорее "внутрисемейные". Полный же зал вмиг излечивает от всякой хандры. Мне всегда радостно, когда вижу нашу театральную публику, и очень хочется, чтобы в нашем театре были и литовские зрители, которые даже в трудные времена поддерживали нас.

- Полагаю, что многих зрителей к тому же привлекают свойственные артистам русского театра теплота, эмоциональная самоотдача.

- Так это, пожалуй, единственное, ради чего стоит в театре быть.